

«Русский мир»-2030: каким он будет

11 апреля 2018

Резюме: События 2010-х гг. перевели понятие «Русский мир» из сферы интеллектуальных изысканий в инструмент практической политики. Оно стало более действенным, но столкнулось с сопротивлением, в том числе военно-политическим. Ведущим экспертам задавали вопрос, каким мог бы, а каким не должен быть «Русский мир».

Темы текущего номера

[Попытка анамнеза](#)

[Строительство наций](#)

[«Русский мир»: что дальше?](#)

[Главная/Архив номеров/№2, 2018 г.](#)

[Давайте дружить](#)

[f Share On Facebook](#)

[Share On Twitter](#)

Подписаться на новости журнала

[Подписаться](#)

Like globalaffairs on Facebook

[Нравится 119](#)

ПОПУЛИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

18.04/19.30

Также по теме

[Самоидентификация
пограничья](#)

Елена Бабкина

[Неуловимый малоросс:
историческая справка](#)

Алексей Миллер

[На расходящихся курсах](#)

Георгий Касьянов

[Линия фронта – прошлое](#)

Сергей Перевезенцев

Печать

Добавить в блог

Оставить комментарий

✓ Теги Украинский кризис Россия Крым Украина
идеология национализм Государство бывший
СССР русский язык культура геополитика власть
пропаганда Абхазия Южная Осетия сепаратизм
Белоруссия Мягкая сила СНГ

События 2010-х гг. перевели понятие «Русский мир» из сферы интеллектуальных изысканий в инструмент практической политики. Оно стало более действенным, но столкнулось с сопротивлением, в том числе военно-политическим. Специально для этого выпуска журнала ведущим экспертам задавали вопрос, каким мог бы, а каким не должен быть «Русский мир» к концу следующего десятилетия.

Алексей Чеснаков, директор Центра политической конъюнктуры:

Сейчас не самое лучшее время для того, чтобы строить долгосрочные прогнозы о будущем русского мира. Причин несколько. Главная из них – гипертрофированная мифологизация той практической роли, которую концепция «Русского мира» сыграла в последних событиях на Юго-Востоке Украины. Отсюда – постоянная путаница в терминах. Отсюда – нагромождение смыслов. Отсюда – опасное стирание границ между теоретической доктриной и реальным политическим проектом.

Первое, что нужно понимать, – в новейшей истории России интерес к образу русского мира возник не в связи с украинским конфликтом, а в рамках предпринимаемых в нулевые годы попыток осмысления задачи выживания страны как особого историко-культурного пространства со своими традициями и правилами. Можно сказать, что концепт «Русского мира» дополнял и помогал раскрыть идею политического суверенитета России.

Впоследствии слишком частое и не к месту использование этого, безусловно, яркого, многосложного термина уже в контексте событий 2014 г. на Украине без необходимого современного теоретического содержания сделало его заложником идеологических и персональных особенностей некоторых апологетов.

В результате концепт сохраняет актуальность лишь в определенном пропагандистском дискурсе как негативный конструкт для описания российской внешней политики на постсоветском пространстве, а также все еще употребляется некоторыми псевдоинтеллектуальными манипуляторами, которые пытаются найти самое простое описание для сложных и часто не

связанных друг с другом явлений. Не будет большим преувеличением сказать, что никакой целостной политической стратегии создания русского мира в 2014 году не существовало.

Нужно также учесть, что образ «Русского мира» имел важное значение в процессе воссоединения России с Крымом.

Развитие конфликта на Юго-Востоке Украины и те решения, которые принимались в Москве и Киеве, определялись инерцией предыдущих установок в политике самой Украины, России и Запада. Конфликт и до сих пор разворачивается в такой инерционной логике. Его в большей степени определяют предыдущие действия сторон, а не их долгосрочные интересы или геополитические риски. Поэтому в 2014 г. концепт по большей части служил универсальным объяснением действий России постфактум со стороны части экспертов и непосредственных участников событий «на земле».

Сейчас идеология «Русского мира» остается основой образа будущего для части активных участников гражданского сопротивления на Юго-Востоке – как для украинских, так и для некоторых российских граждан, которые приняли участие в вооруженном противостоянии в Киеве. Они были частью довольно рыхлой и многосоставной коалиции. Помимо националистов и национал-большевиков в сопротивлении активно участвовали сторонники возрождения советской общности наций, коммунисты-имперцы, левые интернационалисты, сторонники реставрации многонациональной империи на демократических или монархических началах, наконец, сторонники независимости Донбасса, который считали и считают жителей этого региона отдельной политической нацией и т.д. Эти разрозненные идеологические группировки играли куда большую роль, чем русские националисты, которые выступали за объединение русских в рамках единой политической общности на постсоветском пространстве.

После того, как сецессия Большого Юго-Востока Украины перестала присутствовать в актуальной повестке дня и особенно с момента заключения Минских соглашений, когда конфликт на неопределенное время локализовался в Донбассе, завышенные ожидания радикальных сторонников «Русского мира» уступили место разочарованию.

Бесчисленные попытки объяснять многие локальные проблемы геополитическими противоречиями и национальными ценностями потерпели естественное фиаско. Тем более что концепт порой нисколько не помогал понять мотивацию вовлеченных в этот конфликт сторон, и уж тем более прогнозировать дальнейшие события.

Однако все это совсем не значит, что «Русский мир» мертв. Наоборот, именно сейчас начинается самый интересный этап в его развитии – наполнение новыми смыслами. События на Юго-Востоке Украины сделали более очевидными ряд фронтиров – как между этническими общностями, так и между национальными интересами. Более того, некоторые фронтиры оказались даже внутри наций и этнических групп.

Российские политики часто утверждают, что русские и украинцы – это один народ. Однако имеется в виду не этническое единство. Объединяя русских и украинцев в этой констатации, Путин явно не имеет в виду, что украинцы – это какие-то особые русские и что украинский язык, образование, культура и политическая субъектность, основанная на них, не имеют права на существование. Не противопоставляет Путин русских и украинцев и другим этносам, которые живут в России.

Фразу о едином народе следует понимать, как апелляцию к длительной совместной жизни русских и украинцев в рамках СССР и Российской империи, в рамках общей православной культуры, а не как утверждение о том, что русские и украинцы должны быть одной политической нацией и жить в одном государстве. Говоря о едином народе, Путин подчеркивает, что для России идея политического, военного и экономического союза с Украиной не потеряла актуальности, несмотря на кризис. Для российского президента русские и украинцы не должны быть врагами и могут (неизбежно будут) иметь общую судьбу.

В свою очередь, противоположные интерпретации такого подхода – политическое объединение русского этноса на постсоветском пространстве или реставрация империи в каком-либо виде – политически нереалистичны, неизбежно войдут в противоречие с международным правом и, сверх того, представляют серьезные риски для самой России. Невозможно представить себе, что современное российское государство развяжет большой войну на территории бывшего СССР, чтобы объединить всех русских под своей властью. Реализация и даже артикуляция такой стратегии поставила бы под угрозу существование прежде всего самой России. Как невозможно представить себе и реставрацию большой империи. За годы независимости интересы элит бывших советских республик стремительно расходились, о чем свидетельствуют неудачные попытки запустить жизнеспособную интеграцию с большим количеством участников.

Как говорилось выше возвращение вопроса о «Русском мире», в том числе в геополитическом контексте, кажется неизбежным. Однако акцент будет делаться на языке и культуре как реальных и эффективных инструментах «мягкой силы». Поддержка и укрепление «Русского мира» как мира русского языка, русской культуры, мира политики на русском языке, безусловно, будет оставаться

одним из приоритетов российской внешней политики в долгосрочной перспективе. Это и есть естественная среда российского влияния, в которую включаются не только, собственно, русскоязычные граждане постсоветских и других государств, но и все люди, которые интересуются Россией или учат русский язык.

Россия не сможет стать одним из технологических, идейных лидеров будущего мира, если русскоязычное пространство будет постепенно, но неуклонно сужаться. Поддержка и распространение русскоязычного образования – одно из важнейших условий выживания «российского проекта» как самостоятельного и мощного военно-политического и экономического центра.

Вместе с тем, России придется более жестко защищать границы этого реального «Русского мира», который создавался и расширялся сначала Российской империей, а затем Советским Союзом. В последнее время на постсоветском пространстве вызовов для мира русского языка становится все больше. Казахстан переходит на латиницу, в Латвии хотят полностью отказаться от образования на русском языке, на Украине принят закон об образовании, ущемляющий права русскоязычного населения. Верховная Рада скоро приступит к рассмотрению нового закона о языке, который также может носить дискриминационный характер для миллионов русскоязычных граждан. Российской дипломатии придется быть активной, последовательной и жесткой в отстаивании интересов и прав людей, которые хотят говорить на русском языке.

Если же попытаться эксплицировать стратегию «Русского мира», то она состоит в следующем. Во-первых, отстаивать право людей говорить на русском языке. Во-вторых, обеспечить право получать образование на русском языке, по крайней мере, сохранить и усилить русские школы. Нужно больше русских школ на постсоветском пространстве. В-третьих, необходимо бороться за право русскоязычных граждан вести диалог и документооборот на русском языке с представителями муниципальных властей в своих странах на пространстве бывшего СССР. Если русский язык не может быть вторым государственным языком, то он должен быть одним из признанных региональных или местных языков в тех местах, где проживает значительная доля граждан, говорящих на русском языке.

Россия – политическая нация, а не национальное государство. Поэтому в ближайшие годы внешняя политика России будет склоняться к тому, чтобы не поддерживать моноэтнический принцип в строительстве национальных государств на постсоветском пространстве. В этом смысле русский политический проект и украинский националистический проект неизбежно будут

находиться в состоянии конфликта. Дальнейшее обострение этого конфликта при нынешней украинской власти можно считать неизбежным.

Россия не может ставить цель возвращение всех русских или русскоязычных домой в Россию. Для России выгодно, чтобы русскоязычные продолжали жить и работать на территории постсоветского пространства, сохраняя и распространяя русскую культуру и поддерживая политическое пространство на русском языке в своих странах.

Предложенные соображения не имеют четкой структуры и тем более не являются частью какой-то политической программы. В то же время нельзя исключать, что такая программа вполне может появиться. Для этого есть реальные предпосылки. Серьезные ограничения, впрочем, тоже присутствуют. С одной стороны, запрос на такую программу растет. С другой – ресурсов для ее реализации явно не хватает, и это очевидно не только элитам, но и простым людям.

Как бы то ни было, с началом нового шестилетнего политического цикла в России следует ожидать обострения внимания к этой теме. Тем более, что отсутствие прогресса в урегулировании конфликта в Донбассе и усиливающееся расхождение между Россией и Западом будут катализировать этот процесс.

Алексей Миллер, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге:

У понятия «Русский мир» очень много трактовок. Кстати, это не единственная подобная концепция. Есть еще Святая Русь, например. И она, кстати, для РПЦ даже более значима. Но давайте посмотрим, чем занимается, например, фонд «Русский мир». Культурные вопросы, библиотеки, центры изучения языка, фестивали, научные проекты и т.д. Тем же занимаются немцы в Институте Гёте, французы в своих центрах – побуждение, развитие и поддержание интереса к национальной культуре, искусству и т.д. В этом смысле не обязательно быть этническим русским, чтобы ощущать свою принадлежность к русскому миру. И такое ощущение совершенно не обязательно должно манифестироваться в политике.

Политический аспект «Русского мира» опять же трактуется по-разному. И эти трактовки меняются со временем. В ноябре 2009 г. патриарх Кирилл произнес большую, практически программную речь о «Русском мире». Он говорил о том, что мы должны научиться уважать суверенитет тех государств, которые в большей или меньшей степени принадлежат к «Русскому миру», что мы

должны избавиться от комплекса «старшего брата», что мы ни в коем случае не должны ничего навязывать, что это должны быть партнерские, уважительные отношения и т.д. Так было.

Понятно, что после 2014 г. для таких разговоров места не осталось, но тогда патриарх выступал адвокатом «Русского мира» через «мягкую силу». Он часто ездил на Украину, в Белоруссию, в Молдову с пастырскими визитами и говорил: мы принадлежим одной культуре, вере (но не одной церкви, кстати!) и так далее. Понятно, что после 2014 г. те, кто не принимает концепции «Русского мира» (и не принимал до 2014 г.), утвердились во мнении, что «Русский мир» – это концепция аншлюса. Тогда многие посчитали, что Крым – это начало большого пути, «русская весна», но со временем стало ясно, что это не так. И необходимо творческое переосмысление, переформулирование концепции «Русского мира». Надо понять, что пошло не так, а что – так. Нужно попытаться вернуть – насколько это возможно – «Русский мир» в сферу культурную, неагрессивную, конструктивную.

Александр Тарасов, социолог, политолог, историк (Москва):

Никто до сих пор не смог внятно объяснить, что такое «Русский мир»; каждый, кто пользуется этим выражением, понимает под ним что-то свое. Лучше всего эту формулировку научилась использовать украинская националистическая пропаганда, у которой «Русский мир» – это тупой, злобный, агрессивный империалистический монстр, наследник Орды. При таком уровне теоретического осознания бессмысленно рассчитывать на какие-то серьезные (гео)политические успехи существующей российской власти, в том числе и на Украине.

Наша власть не обладает стратегическим мышлением, она ведет себя ситуативно, как пожарная команда – тушит, где загорелось. Украина и Сирия – последние примеры. И там, и там стратегическое мышление (и, соответственно, способность формировать события) продемонстрировали США с союзниками (НАТО), это касается и созданных для России проблем. Поскольку российский правящий класс озабочен (как и при Ельцине) исключительно собственным обогащением, он не способен противопоставить американской стратегии какую-то равную, не ситуативную. Поэтому всякие рекомендации бессмысленны. России была навязана новая холодная война (и Украину при этом использовали как таран), и у российской власти нет шансов выиграть эту войну. Экономика России несопоставима с экономикой СССР, Советский Союз был сверхдержавой, а Россия – «страна-гигант» третьего мира; при этом, напоминая, СССР холодную войну проиграл. Россия серьезно сократилась географически, потеряв в том числе

важные с геополитической точки зрения территории. Наконец, СССР выступал – неважно, обоснованно или нет – как представитель коммунистической идеи и потому мог рассчитывать на союзников во всем мире. Нынешняя российская власть маркирует себя как антикоммунистическую, ничем в этом не отличаясь от своих западных противников; непонятно, почему антикоммунисты за рубежом должны предпочесть российских антикоммунистов своим собственным.

Представление, что в 2030 г. будет существовать какой-то «Русский мир», по-моему – необоснованный оптимистический взгляд на вещи.

Роман Манекин, историк, журналист, политический аналитик (Москва–Донецк):

«Русский мир», или, если говорить шире, русское цивилизационное пространство нуждается в восстановлении утраченной целостности. Двадцать пять миллионов этнических русских остались за пределами «материка» после 1991 года. И это только этнических русских. Мы не говорим о людях, системообразующей компонентой сознания которых является русский цивилизационный код. «Русский мир» сегодня болен. Он нуждается в реанимации. Украина – болевая точка. Врагам «Русского мира» вполне удалась операция по противопоставлению украинского социального сознания российскому. И свидетельство тому – война в Донбассе. Объективно ситуация состоит в том, что Украина противопоставлена Донбассу ровно в той мере, в которой Донбасс противопоставлен Украине.

Русский духовный цивилизационный ландшафт – естественная среда обитания трехсот миллионов человек. И эта среда сегодня разрушена. Это обстоятельство, по сути, является угрозой всему человечеству. Отсюда главной содержательной задачей грядущего десятилетия станет не достижение нового уровня технического развития, а, возможно, с использованием технических достижений, восстановление естественной экологии души русского человека.

В свете сказанного мы должны всячески противостоять деструктивным мотивациям, направленным, быть может, на достижение кратковременного успеха, но в стратегическом плане подрывающим единство русского мира. Иначе говоря, Украина России не враг. Враг – деструктивные элементы, засевшие во властных структурах Украины. И прямым военным противостоянием здесь мало что можно решить по существу. Хотя и приходится. Но это – вынужденная тактика.

Стратегия должна состоять в выработке эффективных идеологических средств противостояния националистической заразе и точечной, буквально ювелирной работе с общественным мнением и правительственными кругами Украины. Роль Донбасса в этой истории – роль образца, к которому надо стремиться Украине. Так по крайней мере должно быть! Пока, к сожалению, ситуация обратная. Ее, эту ситуацию, нужно исправлять.

Михаил Ремизов, президент Института национальной стратегии:

Во-первых, не следует игнорировать русский фактор внутри и вне России. Во-вторых, не следует заикливаться на прямолинейном территориальном реваншизме. Сегодня мы одновременно совершаем обе эти ошибки. То есть, разумеется, их совершают разные части нашего исторического «мы». «Власть» в лучшем случае игнорирует, в худшем – дискриминирует русскую идентичность внутри и вне страны. «Общество» не видит других способов реализации и восстановления этой идентичности, кроме исторически привычного «собираания земель». Эти две крайности поддерживают друг друга. Так, например, развиваются отношения с постсоветскими государствами. За весь постсоветский период Российская Федерация не сформулировала никакой внятной и последовательной повестки по «русскому вопросу» за рубежом. Это катализировало дерусификацию в разных формах по периметру наших границ и привело к тому, что любые попытки российской реакции на нее и запоздалой постановки «русского вопроса» автоматически воспринимаются как выдвижение территориальных претензий.

История с Крымом стала «моментом истины». Со стороны все выглядит так, что Россия больше 20 лет молчала о законных правах и интересах русских, а потом махнула рукой и решила вопрос радикально. После этого в Белоруссии и Казахстане ничего не хотят слышать о «Русском мире». Как нам на это реагировать? Снова молчать?

Между тем, концепция «Русского мира» по своему замыслу состояла именно в том, чтобы иметь эту срединную зону между игнорированием и прямым ирредентизмом. Т.е. выстроить жизнеспособное пространство русской культуры поверх государственных границ. А также пространство взаимопонимания и солидарности ее носителей.

Что для этого необходимо? Прежде всего – внутреннее ядро, без которого все остальное невозможно и бессмысленно. Это сама русская идентичность и ее «бытование» внутри России. Во-первых, она должна быть растабуирована. Русские должны привыкнуть к тому, что присутствие в

пространстве страны *других* народов ни в коей мере не должно нам мешать *быть собой*, культивировать свою идентичность и передавать ее в поколениях. Во-вторых, ее следует истолковать как преимущественно культурно-языковую идентичность. Это снимет многие идентификационные проблемы, замешанные на наивном «биологизме» (подсчет «процентов крови» той или иной национальности в своем «организме»). В-третьих, она должна обрести новую гравитацию с точки зрения массовой культуры, бытовой культуры, политики памяти. Как именно – отдельный большой вопрос. Здесь достаточно отметить, что многие национальные самообразы – результат удачных сознательных стилизаций.

Следующий слой – периферия русского «этнического поля» в России, слой людей с множественной, смешанной самоидентификацией. На этом уровне базовый подход – естественная ассимиляция. Сдвиг критериев этнической самоидентификации от «биологических» к культурно-языковым будет ей немало способствовать. Например, 6,2% участников переписи населения 2010 г. назвали родным язык, не соответствующий национальности. В абсолютном большинстве речь идет о людях, называющих русский в качестве родного языка, но не идентифицирующих себя как русские. Именно они образуют существенный потенциал для естественной ассимиляции. Не нужно и бессмысленно отрицать происхождение как фактор этнической самоидентификации – оно таковым является. Но надо всеми доступными средствами просвещения настойчиво вводить в качестве *достаточного* фактора такой самоидентификации – родной язык и культуру. Не единственного, но именно достаточного. Точно так же не стоит исключать возможности двойной этнической самоидентификации – по происхождению и по культурно-языковой принадлежности. Это вряд ли может быть массовой нормой, но вполне способно стать нормой для промежуточных и переходных идентификационных процессов.

Далее – механизмы репатриации для русских и сфокусированная диаспоральная политика. В своей «крымской речи» президент впервые признал положение русских как крупнейшей разделенной нации в Европе. Но как раньше, так и по сей день этот кардинальный факт не учитывается государством ни де-юре, ни де-факто. Русские диаспоры за рубежом не являются в должной мере адресатом государственной поддержки со стороны Москвы; русские не имеют должных преимуществ в приобретении российского гражданства; не имеют преференций в сфере трудовой и образовательной миграции (в этом отношении была бы крайне востребована так называемая «карта русского» – по аналогии с «картой поляка», «картой венгра» – дающая широкий набор прав в «материнском» государстве без обязательного переезда и смены гражданства). Иными словами, международный опыт «разделенных наций» (Германии, Израиля, Венгрии, Польши, Казахстана и других стран) так и не стал ориентиром для Российской Федерации. И сам по себе этот факт кардинально снижает гравитацию русской идентичности на

постсоветском пространстве: если русские не признаются Москвой, почему они должны признаваться в других столицах?

После присоединения Крыма и войны в Донбассе восполнить этот пробел особенно важно. С одной стороны – чтобы реализовать возросшие ожидания русского населения прирубежных территорий (и, разумеется, самой России). С другой – чтобы снять опасения международных партнеров по поводу того, что после долгого периода бездействия поправленные национальные права будут восстанавливаться «внезапно» и в «максимальном» варианте (по крымскому сценарию). Наиболее адекватное средство от подобных опасений – предсказуемая настойчивость и последовательность в отстаивании культурно-языковых и иных прав русского населения.

Борис Межуев, доцент философского факультета МГУ, председатель редакционного совета сайта «Русская идея»:

Выражение «Русский мир» имело и имеет множество самых разных трактовок, но мы для простоты и краткости будем исходить из той, что можно назвать геополитической. Речь идет о тех территориях соседних с Россией государств, которые, сопротивляясь их сплочению на этнократической или какой-то другой почве, тяготеют к России. Это тяготение может иметь отчетливо сепаратистский характер – как было в Абхазии, Южной Осетии, как продолжает быть на Донбассе и в Приднестровье, а может оставаться исключительно культурным, что пока имеет место в Северном Казахстане и отдельных районах Прибалтики. Наконец, возможно допустить – чисто гипотетически – возникновение чего-то подобного «Русскому миру», допустим, в Гомельском районе Белоруссии, если на смену режиму Лукашенко придут проевропейские силы, с поддержкой в западных районах этой страны.

Я бы сравнил отношение России с «Русским миром» с отношением Евро-Атлантики и самой Россией. Аналогия во многих аспектах хромает, но есть сходство в ритмах втягивания и отбрасывания от себя Европой России, а Россией – «Русского мира». В определенные моменты Европа испытывает нужду в участии России в политической игре на континенте, но когда за такое участие приходится платить слишком большую цену, все силы Европы сплываются в общем стремлении поставить барьер российской экспансии, выведя из-под ее контроля лимитрофные территории. Отсюда – вечная раздвоенность самой России в вопросе о ее идентичности: европейская или неевропейская она страна?

Россия ведет с себя с «Русским миром» аналогичным образом, в определенные моменты используя его против выходящих из-под ее контроля государств, как бы шантажируя их угрозой территориального раскола, однако когда риск распада по тем или иным причинам оказывается слишком высок или шанс на присоединение «Русского мира» к России блокируется Евро-Атлантикой, это понятие мгновенно забывается, а его наиболее радикальные адепты в самой России удаляются с политического поля. «Русский мир» оказывается таким капиталом, от которого невозможно отказаться, но которым и не воспользоваться без риска фатально осложнить отношения как с ближайшими соседями, так и с крупными государствами мира, опасющимися окончательной декомпозиции существующего миропорядка.

Есть ли выход из тупика? Можно ли построить «Русский мир», одновременно не подвергая риску сложившуюся систему отношений в Евразии? Вероятно, следовало бы найти какую-то политическую форму, в которую могла бы быть канализирована и активность прорусских активистов, и их поддержка со стороны России. Весной 2014 г. был упущен шанс на возникновение прорусского федералистского движения, способного захватить юго-восток Украины, но при этом потенциально являвшегося бы привлекательной идеологической основой для самоопределения других регионов «Русского мира». Тогда борцов за Новороссию короткое время именовали в российских СМИ сторонниками федерализации. Потом призрак Новороссии съел этот самый федерализм. Ведь в самой России подобное «федералистское» движение может носить только оппозиционный характер. Для российской власти союз, условно говоря, с Назарбаевым важнее, чем самоопределение русских жителей Северного Казахстана. Взаимодействие с «Русским миром» станет в этом случае проблемой внутренней политики.

Судьба этого феномена в 2030 г. зависит от того, появится ли подобное федералистское движение, имеющее прорусский, но транснациональный характер? Если да, то можно ожидать, что лимитрофный пояс государств, отделяющий Россию от Евро-Атлантики, приобретет мирную и цивилизованную форму пояса нейтральных федераций с максимально либеральной культурной и языковой политикой. Если нет, сохранится нынешняя динамика системы Россия-«Русский мир», в котором последний продолжит играть роль субверсивного полюса силы, противостоящего прозападным и этнократическим тенденциям столиц лимитрофных государств. Конечно, у России должно оставаться достаточно материальных и духовных ресурсов поддерживать и укреплять в «Русском мире» «прорусскую идентичность».

По событиям 2014 г. мы видели, как отличалось поведение в кризисный момент жителей Севастополя от, скажем, Харькова и тем более Днепропетровска. Боюсь, инерционный сценарий будет благоприятствовать в большей мере «харьковской» и даже «днепропетровской», а не

«севастопольской» модели поведения. Поэтому стоит надеяться на первый сценарий развития событий, хотя в настоящий момент он представляется крайне маловероятным.

Георгий Полеводов, писатель (Донецк):

Какую роль может и должно сыграть такое понятие, как «Русский мир», в предстоящие годы, когда Украине предстоит так или иначе преодолевать последствия братоубийственной гражданской войны? Целительную, поскольку другого средства восстановить страну, по сути, и не будет. Взаимосвязи между украинским народом, каким бы обманутым и одураченным он ни был, и народом русским крепче, чем думают те киевские политики, которые и посеяли вражду.

Заглянем, например, на десятилетие вперед. Донбасс, успешно переборов послевоенные трудности, развивается при деятельной поддержке Российской Федерации. Теперь это не только мощный промышленный регион, но и своего рода «хаб» между Востоком и Западом, часть федеративной Украины, созданной после провала «майданной» модели. Годы войны закалили жителей Донецкого региона, и они дали новый импульс развития не только собственному краю, но и России в целом. Именно Донбасс стал примером *деятельного* патриотизма и любви к Родине. Консолидировал он эти силы и общественное движение и внутри России.

Существование Украины-2030 возможно лишь на условиях федеративного устройства. Отчасти даже и потому, что унитарное государственное устройство изжило себя в принципе. Развязанная киевской властью агрессия против Донбасса разобщила украинское общество. Если жители ДНР и ЛНР объединились вокруг идеи патриотизма, «Русского мира» и резкого неприятия радикального национализма, то население Украины, напротив, раскололось, и раскол будет усугубляться по мере ухудшения экономической ситуации и радикализации отдельных групп населения.

Но есть значимая категория населения современной Украины. Те, которые просто привыкли работать, трудиться на своей земле. И эта категория людей презирует «майданных выскочек» и борцов с «русской агрессией». Разделение на «воинов» и «землепашцев» только усугубит социальную вражду с риском откровенного вооруженного противостояния.

При этом если и начнется возрождение Украины, то именно с ее «срединных земель» – тех самых, воспетых Николаем Гоголем. Именно в Полтавской, Сумской, Черкасской областях и сохранился тот спокойный, работающий настрой простых украинцев. Того «працьовитого» и хлебосольного

народа. Для всех этих людей, привыкших жить своим умом и своим трудом, неприятны любые потрясения и революции, именно они – последний оплот стабильности. В корне неверно утверждение, что подобные люди нерасторопны. Да, они терпеливы, и, пожалуй – излишне. Но если кто-то всерьез покусится на их святое право трудиться на своей земле – поднимут на вилы. С той же крестьянской основательностью, с которой обсуждают виды на урожай.

Украинский народ является братским русскому, и потерять его никак нельзя. Поскольку украинская народная культура, язык, традиции также являются важной составляющей единого гуманитарного пространства «Русского мира». И радикализация взглядов здесь может только навредить. Общество обманутой и низвергнутой в пучину хаоса страны должно само прийти к осознанию собственных катастрофических ошибок.

Многие факторы объединяют народы России, Донбасса и Украины. Это прежде всего родственные семейные узы, которые зачастую не может разорвать даже война. Остались еще и экономические связи, общая культура и история. Трагедия Украины и в том, что она выбирает устаревшую историческую парадигму. Дать стране после разрушительной войны и деградации новый смысл существования, не запятнанный кровью и откровенным фашизмом – вот главная задача и, если хотите, гуманитарная миссия Донбасса в будущем.

Алексей Дзермант, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси:

«Русский мир» в 2030 году лучше всего представить конфедерацией суверенных государств, придав новую позитивную динамику Союзному государству России и Беларуси. Именно в рамках этого проекта нужно выходить на самую тесную экономическую и военно-политическую интеграцию, промышленную кооперацию, особенно в сфере новых технологий. Двигаться к созданию единой валюты, полноценного союзного парламента, общей гуманитарной политики. Самая большая проблема – Украина. К ней нужен комплексный подход: специализированное информационное вещание с учетом реально существующей украинской национальной идентичности, разработка союзной программы привлечения и переселения граждан Украины, интеграция Донбасса, Приднестровья в состав России или Союзного государства в случае невозможности восстановления отношений с Украиной и Молдовой.

России точно не следует отрицать существование разных русских национальных проектов – белорусского и украинского – и стремиться интегрировать их исключительно в форме включения

в состав Российской Федерации. России нельзя игнорировать первостепенную важность технологической и промышленной платформы интеграции со своими союзниками. У России не получится уклониться от вооруженного конфликта в случае, если процесс нацификации Украины приобретет необратимый характер. Украинский национализм крайне токсичен, имеет откровенные экспансионистские планы в отношении России и Беларуси, и к прямому столкновению с ним надо быть готовым, в том числе политически и экономически. «Русский мир» должен иметь социально-ориентированный, а не этнонациональный, характер и антифашистский вектор.

Анна Гусарова, научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК (Астана):

Концепция «Русского мира» обречена, а негативное ее восприятие продолжит доминировать в среднесрочной перспективе. Очевидно, что посткрымский миропорядок во многом повлиял на восприятие России как агрессора, а ее место и роль как привлекательного центра «мягкой силы» значительно недооценивается на государственном уровне. Чем активнее Россия будет использовать свой дипломатический ресурс в международной повестке, тем больше вопросов возникнет по переосмыслению «Русского мира» как такового.

Секьюритизация и милитаризация российской внешней политики заметно осложнит реализацию концепции в целом. Дальнейшее противостояние по линии США – Россия усугубит негативные тенденции. Националистические страхи и фобии, которые легли в основу многих решений политических элит стран СНГ, в первую очередь, важно минимизировать. Необходимо учитывать – проекция «Русского мира» на пространство СНГ не должна осуществляться в контексте «великой войны с Западом», а силовые методы не должны преобладать в процессе принятия решений.

Для повышения прозрачности и восстановления уровня доверия к «Русскому миру» требуется заметная активизация дипломатического ресурса на пространстве СНГ (в частности, приграничных государств), поощрение публичной дипломатии и поддержка русскоязычных сообществ. Вместе с тем, важно восстановить главный элемент «Русского мира» – приверженность русскому языку и культуре. Для России крайне важно сохранить статус русского языка как *lingua franca*, посредством которого Россия пока продолжает так или иначе сохранять свои позиции.

Ольга Иванова, депутат Рийгикогу (парламент Эстонии):

Чтобы ответить, каким должен быть «Русский мир» через 15 лет, необходимо понять, что он представляет собой сегодня. Насколько созданная когда-то система себя оправдала, главное, дала ли результат. Кроме того, адресат проектов «Русского мира» кардинально меняется. Если раньше основное внимание было направлено на поколение, воспитанное в Советском Союзе, то современный потенциальный участник сообщества – молодой или среднего возраста человек, выросший в другой социальной и образовательной системе. Насколько мне известно, на сегодняшний день не проведено ни одного исследования, например, в странах Балтии, которое дало бы ответы на эти вопросы. Одним словом, отсутствует понимание, кто они – эти русскоязычные европейцы, которые заинтересованы в идее «Русского мира». Их достаточно много, но об их ожиданиях известно мало или почти ничего. Если смотреть на перспективу 15 лет и пофантазировать, то он мог бы представлять собой глобальную структуру, деятельность которой делилась бы по направлениям: культура, образование, политика, социальное обеспечение, молодежная работа, просветительская деятельность, но и активное участие в формировании повестки дня международной политики.

Особенность русскоязычного населения стран Балтии объяснима: в начале 1990-х гг. они пережили гигантский шок от того, что страна, в которой они жили, от них уехала, и они оказались в совершенно новых реалиях. К основополагающим ошибкам того времени можно отнести нерешенный вопрос нулевого варианта гражданства (Эстония и Латвия). Люди оказались не нужны ни своей стране, ни новой родине. Если говорить конкретно о том, что русскоязычные, например, молодые люди могли бы ожидать от России – возможность получить там высшее образование, сделать карьеру в огромном мегаполисе. Пожилых людей, кто, возможно, родился в России, или ветеранов, конечно, интересует роль исторической родины в международной политике. Поэтому их интересы распространяются и в область политических решений Москвы.

Янис Урбанович, президент «Балтийского форума», председатель фракции «Согласие» Сейма Латвии:

Есть мир, и есть русские. А словосочетание «Русский мир» не все воспринимают в позитивной толстовской интерпретации – как русское общество. Чаще это воспринимается как

противопоставленность «Русского мира» всему остальному, что только раздражает русских за пределами России и даже в самой России. Есть русские, люди, разговаривающие на русском, люди, которым симпатична русская культура. Словосочетание «Русский мир» подразумевает некую организованность, что вредит развитию русской культуры в мире. Это даже звучит воинственно. Все знают, что в мире живут британцы, немцы, русские и так далее – свободные люди разных национальностей, которых объединяет язык и культура. И только организаторы работы с диаспорой в России придумали, что есть некий специальный «Русский мир».

Эту тему нужно изучать. Невозможно в Кремле сформулировать мнение и взгляды русских, основываясь на жалобах и челобитных «профессиональных соотечественников». На этом основании неправильно делать выводы, ведь это не позиция всех тех русских, которые живут за пределами России. Организованность в формулировке «Русский мир» предполагает даже некоторую подчиненность, а это неправильно. По всему миру должны рождаться центры русской культуры, а роль Москвы в этом – помощник, а не арбитр, командир.

Для всех нас нет лучше новости, чем об успехах России, а для этого прежде всего нужно развитие России, особенно экономическое. Поэтому богатеите, развивайтесь, становитесь примером для подражания, чтобы каждый, кому симпатична русская культура, мог гордиться этой симпатией.

 Сохранить В Мой Мир Опубликовать

0 Комментариев Globalaffairs.Ru

1 Войти ▾

 Рекомендовать Поделиться

Новое в начале ▾

Начать обсуждение...

ВОЙТИ С ПОМОЩЬЮ

ИЛИ ЧЕРЕЗ DISQUS

Имя

Прокомментируйте первым.

ТАКЖЕ НА GLOBALAFFAIRS.RU

Дэниел Фрид "Когда дипломаты и шпионы должны уйти. Высылка русских тогда и ...

15 комментариев • 10 дней назад

RU MAIL — раз ругают Вована...значит он делает всё верно. Хуже войны с 3.14ндосами может быть только дружба с этими упырями.

14-15 апреля 2018 года Совет по внешней и оборонной политике проводит ...

3 комментария • 6 дней назад

Ven Reis — Обзываются люди с комплексом неполноценности, а ругаю я Путина потому-что лижет зад западу и не дает отпор,так что ты ...

Федор Лукьянов "После гнева и пристрастия. " / "Россия в глобальной ...

3 комментария • 6 дней назад

Sergio Pol — Острейшая проблема состоит в том что Россия уже больше 25 лет не может признать свои существующие границы. Вот и ...

Владислав Сурков "Одиночество полукровки (14+). " / "Россия в ...

830 комментариев • 6 дней назад

Vsevolod Semouchin — "Самодержцы усердно женились на немках, имперские дворянство и бюрократия активно пополнялись ...

 Подписаться

 Добавить Disqus на свой сайт

 Конфиденциальность

DISQUS

[Научный совет](#) [Редакционный совет](#) [Попечительский совет](#) [Авторы](#) [Рецензии](#) [Анонсы/События](#) [Архив журнала](#) [В номере](#)

[login](#) [English](#) [Карта сайта](#) [RSS](#) [Реклама](#) [Подписка](#) [Редакция](#)

 LiveInternet:
показано
число
просмотров за

 Rambler's
Top100

© «Россия в глобальной политике», 2002-2018. Журнал издается "Фондом исследований мировой политики" | разработано и поддерживается в iTrend